

Пролог

Жертва должна была появиться с минуты на минуту.

И вот дверь туалета открылась. Послышались шаги. Влажные от волнения пальцы убийцы сжали рукоятку ножа.

Медлить было нельзя. В любой момент кто-то мог войти в туалет, и тогда все может сорваться.

Жертва открыла дверь кабинки, увидела убийцу и ойкнула.

Они были знакомы, и она не испугалась, просто удивилась.

Нож вылетел вперед, погрузившись лезвием в мягкие ткани живота. Жертва охнула и стала падать. Она навалилась на убийцу всем телом, и они вместе упали и снесли унитаза, на кафельный пол потекла вода.

Чтобы не промокнуть, пришлось выбраться из кабинки, перешагнув через жертву.

Она была еще жива. Шумно дышала, тараща полные ужаса глаза...

Пришлось ударить ее ножом еще раз. И еще. Глаза закатились. Дыхание оборвалось.

Можно уходить. Но осталось добавить последний штрих. Рука, обтянутая перчаткой, достала из кармана другой нож. Гораздо меньше того, которым были нанесены смертельные раны жертве.

На мертвом лице появилось слово из шести букв. Потом нож упал на пол, и стукнула, захлопываясь, дверь туалета. Убийце повезло: никто ничего не видел.

Часть первая

Глава 1

Их было пятеро.

Три брата, две сестры

Старший, Илюша, появился на свет, когда родители еще не пили. В нормальной молодой семье, где папа — тракторист, а мама воспитатель в детском саду.

Следом за ним родилась Танюшка. Тогда отец уже начал прикладываться к рюмке, за что мать его ругала и грозилась подать на развод, если он не завяжет.

Третьим был Ромка. Благодаря ему их семья получила большую квартиру. Это событие отец обмывал, кажется, месяц, но и мама от него не отставала. Когда она вышла из декрета, продолжала попивать. За это ее перевели из воспитателей в няньки. Отец к тому времени тоже сменил работу. Трактор он уже водить не мог, только сторожить гараж.

Данилка и Маринка родились последними. Оба больные. У мальчика была недоразвитая левая рука — короткая и всего с тремя пальцами, а девочка ничего не слышала. С горя отец запил вообще

по-черному. А мать взялась за ум, закодировалась и всю себя посвятила больным детям. Вот только ненадолго ее хватило. Через два года она вновь начала прикладываться к бутылке, а через три (всего за двенадцать месяцев!) превратилась в настоящую пропойцу. Под стать своему мужу.

Органы опеки отобрали у алкоголиков детей, когда Илюше исполнилось четырнадцать, Танюшке одиннадцать, Ромке восемь, а близнецам по четыре. Всех поместили в детдом. Отец больше детей не видел, как будто забыл о них. Мать навестила их три раза за год. Трезвой была только в свой первый визит. Пришла с подарками. Игрушек принесла, сладостей. Ласкала детей, много плакала, клялась, что завязала, и обещала добиться, чтобы ребят вернули домой. Те ей верили!

Во второй раз она явилась в состоянии, именуемом в народе «большой бодун». Опять с гостинцами: печеньем и яблоками, что насобирала в заброшенном саду. Яблоки оказались ужасно кислыми, а печенье просроченным, поэтому пахло прогорклым маргарином, но дети были так рады матери, что с удовольствием уплели все, что она принесла. Она опять их ласкала, плакала, клялась их забрать, причем даже больше, чем раньше. Но Илюша ей уже не верил.

Третий визит матери состоялся только спустя полгода. Явилась она пьяная и с пустыми руками. Младшие все равно к ней с радостью кинулись. Ромка разок обнял и отошел. А старшие — Илюша с Танюшей — развернулись и ушли. Не захотели с пьяной разговаривать. Не знали они тогда, что видят ее в последний раз.

Через две недели ребятам сообщили страшную новость — их родители умерли. Отец взревновал супругу к собутыльнику, обоих зарезал. Когда понял, что натворил, удавился.

Дети остались сиротами.

Старшему на тот момент едва исполнилось пятнадцать, малышам пять. Илюша уже учился в училище, а Данилка и Маринка готовились к переводу в специнтернат для инвалидов. Их давно собирались туда перевести, да разлучать с семьей не хотели.

Но первым детский дом, как это ни странно, покинули не они, а Ромка. Его усыновила бездетная семья из областного центра. Почему именно его, а не мальчишку помладше и посимпатичнее (красивых детей охотнее забирали, а Ромка был невзрачным), можно только гадать. Но никто этим не заморачивался, все просто решили, что пацан — счастливчик, и пожелали ему удачи в новой семье.

Вскоре двойняшек перевели в другой интернат. А там, спустя несколько месяцев, их заметила американская семья. Прибыла она в Россию специально для того, чтобы найти ребенка-инвалида, которого можно усыновить. Данилка сразу иностранцам понравился. Он был невероятно хорошенький, черноглазый, улыбчивый. Причем улыбка застенчивая, она всех подкупала. Американцев тоже не оставила равнодушными. Они сразу решили усыновить Данилку. А когда узнали, что у него еще сестренка есть, то и ее на воспитание взяли. Не разлучать же близнецов!

Остались Илюша и Танюша вдвоем. Но ненадолго. Старший брат, получив диплом автослесаря, от-

правился в армию. Служил на юге. В Туапсе. Там, демобилизовавшись, и остался. Танюшка больше его не видела, как и остальных братьев и сестру. Отучившись в ПТУ, она устроилась работать в парикмахерскую и тихо зажила в комнатке, полученной от государства.

Глава 2

Спина разламывалась, ноги ныли, пальцы подрагивали от напряжения. Хотелось разуться, раздеться, принять душ, упасть на кровать, закрыть глаза и лежать так не меньше часа. И только потом встать и пройти на кухню готовить ужин. Но Танюшка не могла себе позволить такую роскошь, как часовой отдых. Поэтому, войдя в квартиру, она только разулась и сполоснула руки. После этого сразу на кухню. Даже джинсы и свитер на домашнюю одежду не сменила. Надо сначала воду поставить для риса да сунуть под холодную воду ментай, чтобы скорее разморозился. Проделав это, Таня наконец облачилась в спортивный костюм из мягкого велюра. Но тут же вернулась в кухню. Необходимо намыть, начистить и нарезать овощей, без них ее мужчины ментай не едят. Нос воротят, говорят, сухой. И если младший еще может закинуть в себя кусочек, обильно полив его кетчупом или майонезом, то старший морщится, отодвигает тарелку, встает из-за стола и уходит в комнату.

Вообще-то по-настоящему «ее» мужчина был всего один. Младший. Сын. Старший же, Костя... Когда Таню спрашивали, кем он ей приходится,

она не знала, что ответить. Не муж. Не жених. Бойфренд? Но какой же он «бой», ему уже за тридцать. Друг? Но и это не так. И она стала называть Костю «своим мужчиной». Хотя и эта формулировка не годилась, поскольку он был не совсем ее. А вернее, совсем не ее. У Кости имелась жена, от которой он периодически уходил, и не всегда к Тане. Когда у друга обитал, когда у матери, и тогда к Татьяне просто навещался. Но сейчас Костя жил у нее вот уже три недели. Так надолго он еще не задерживался. Таня решила, что это очень хороший знак, и из кожи вон лезла, чтобы не разочаровать «своего мужчину».

Она вышла замуж в двадцать. Родила через два года. А еще через три развелась. Супруг ее, такой же молодой, как и она, категорически не желал взрослеть и превращаться в примерного мужа и отца. Будь у Тани родители, на которых можно было оставить ребенка, возможно, семья бы не распалась так скоро. Но ей никто не помогал. А мать и отец мужа жили очень далеко. Поэтому Таня была привязана к ребенку, дому, быту. И хотела, чтоб супруг ей помогал. Но тот делал это нехотя, и то только первое время. Потом ему надоело, и свой досуг он проводил в кругу друзей...

В итоге они развелись.

И Тане стало легче. Потому что спокойнее. А денег от мужа она все равно не видела. Зарплату он ей отдавал не всю и еще требовал на карманные расходы. Таня давала, конечно. На проезд и обед. Но этого мужу казалось мало. На гулянки он также брал из семейного бюджета. Просто открывал ящик, в котором деньги хранились, и... Таня, иной

раз заглядывая туда, вместо ожидаемых крупных купюр находила только мелочь. А муж, когда ему претензии предъявляла по этому поводу, возмущался. Он считал себя молодцом уже потому, что не выгребал все подчистую.

Танюшка после развода в финансовом плане даже лучше жить стала. Что заработает, то и их с сыном. А работать она умела. По полторы смены в парикмахерской, а потом еще на дому клиентов принимала. Смогла ремонт сделать, сыну велосипед купить. Да и питались и одевались они теперь гораздо лучше, чем прежде. Вот только Тане одного этого мало было для счастья. Хотелось любви...

Мужа своего она любила недолго. Когда дружили, женихались, расписывались — да. Но как только Таня забеременела, чувство пошло на спад. Дело в том, что любимый как-то сразу к Тане охладел. Он начал воспринимать ее как будущую мать, а не как сексуальный объект, и градус его внимания к жене резко понизился. А она и полюбила его за то, что он поначалу купал ее в обожании. А что еще ждать от девочки, которая выросла в семье, где детей не ласкали, и часть своей жизни провела в детдоме?

Когда они развелись, Тане стало не хватать ласки, а через год так прижало, что тошно сделалось. Муж хоть изредка обнимал ее, целовал, слова приятные говорил. Подпитывал, в общем. И без подпитки этой Таня стала «разряжаться», будто аккумуляторная батарейка. Захандрила. От подружек это не укрылось, и они начали ее знакомить с мужчинами. Но Тане никто не нравился. Да и она, двадцатипятилетняя разведенка с ма-

леньким ребенком, не каждому подходила. После пятого неудачного свидания Танюшка попросила подруг больше не поставлять ей кандидатов в кандидаты. Решила: если ей суждено встретить свою любовь, то это обязательно случится.

Как ни странно, ждать этого пришлось не так уж долго. Год всего. Как-то явился к ней клиент, который сразу ее заинтересовал. Вообще-то Таня была женским мастером, но на дому принимала и мужчин. Обычно это были дяденьки за сорок, которым все равно, как их постригут, главное, что задешево. Новый клиент оказался не в пример прежним — молодым и привлекательным. И пришел к Тане не потому, что желал сэкономить. «У вас моя сестра стрижется, — сообщил он ей. — И она вас очень хвалит. А мне на парикмахеров не везет. Они меня прямо-таки уродуют. Хотя хожу в хорошие салоны. Вот решил попытать счастья у вас. Стрижки сестры мне очень нравятся...»

Таня усадила клиента в кресло и начала его стричь. Волосы у него оказались удивительно мягкими. Добрый, сделала вывод Танюшка. И красивый. Но это она заметила сразу, как только клиент вошел. Звали его Костей. Работал он в автосалоне менеджером и... был женат. Но лишь формально. С супругой своей Костя сексом не занимался, душевной близости между ними не было, а объединял их только ребенок. Все это Костя выложил Татьяне, пока она его стригла. Девушка подобные слова слышала от многих женатых мужчин, но никому из них она не верила... только Косте!

От жены первый раз он ушел спустя месяц после того, как между ним и Таней завязались

отношения. Сказал: «Не могу без тебя», и перевез к ней кое-что из своих вещей. Но домой все же похаживал — повидаться с дочкой. Однажды Таня не дождалась его возвращения. Звонила, но телефон был отключен. Разволновалась, подумала, случилось с ним что-то. Набрала номер Костиной сестры, своей клиентки. Та сообщила, что он вернулся к жене, и просила больше его не беспокоить.

Но Таня, конечно же, побеспокоила его уже на следующий день. Когда оказалось, что телефон любимого по-прежнему выключен, пришла в автосалон, где он работал, и потребовала объяснений. Костя лепетал что-то о дочке, которая по нему очень скучает, а Таня одного не могла понять: почему он сбежал от нее столь трусливо. Да еще мобильный вырубил (как потом выяснилось, еще и сменил номер), чтобы не объясняться. Этим он очень Таню обидел. Однако, когда через месяц Костя вновь появился на пороге ее комнаты, она не прогнала его. Вместе они провели выходные, но в понедельник он вернулся домой. Жена с дочкой уезжали на турбазу, и он воспользовался их отсутствием. А Таня-то уж размечталась...

С тех пор прошло два года. За это время Костя уходил от жены раз семь. Но неизменно к ней возвращался. Таня уже не верила в то, что он это делает только ради дочери. Любил он жену и сексом с ней, конечно же, занимался, а вот душевной близости между супругами действительно не было. Вот Костя и уходил от нее, хлопнув дверью. Но дольше двух недель не выдерживал и возвращался к благоверной. Когда такое случалось, Таня давала себе

клятву больше Костю не принимать, но всякий раз ее нарушала. Она очень его любила.

И вот теперь он почти ее.

— Ма-ам! — слышалось из прихожей. Таня, когда родила, получила в дополнение к своей еще одну комнату — соседнюю. Они находились в отдельном блоке. Благодаря этому у Тани появились свой туалет и прихожая. А кухню она организовала в нише комнаты. Тесновато в ней, конечно, а все же не на общей готовить, уже хорошо.

— Я в кухне! — крикнула Таня.

Через несколько секунд сын Валентин появился в поле ее зрения. Он учился в первом классе, но был уже вполне самостоятельным. Других детей в секции родители возили, а он сам до спортшколы добирался. Сейчас он вернулся с тренировки и очень хотел есть.

— Мам, дай пожрать чего-нибудь! — выпалил он, плюхнувшись на табурет.

— Руки помыл?

— Да, — нагло соврал Валя.

— Марш в ванную!

— Ну я помыл, правда. Дай пожрать, а?

— Что это за слово такое? Скажи: «Дай покушать». И не забудь добавить, «пожалуйста».

— Но если я не кушать, а жрать хочу?

Таня рассмеялась. Сообразительный у нее мальчик, всегда знает, что ответить. Она поставила перед сыном баночку с йогуртом:

— Перекуси. Ужин будет через полчаса.

Валя схватил йогурт, ложку, пару печений и унесся к телевизору.